

УДК 82-14

**«Я» АВТОРА XII ВЕКА: РИТОРИКА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Долгорукова Н.М.

В данной статье предпринята попытка дать ответ на целый ряд вопросов, актуальных для исследований средневековой литературы: можно ли создать типологию средневекового «я» и отличить риторическое использование личных конструкций от более субъективных типов, каким было авторское «я» в XII веке, можно ли говорить о субъективности средневековой литературы, и, если да, в чем она выражается?

Ключевые слова: «я», субъективность в литературе, Вас, Мария Французская, риторика.

**“I” OF THE AUTHOR OF THE 12TH CENTURY:
RHETORIC AND SUBJECTIVITY OF MEDIEVAL LITERATURE**

Dolgorukova N.M.

This article attempts to answer a series of questions relevant to the study of medieval literature: is it possible to create a typology of the medieval “I” and to distinguish rhetorical use of personal constructions from more subjective types which was the author's “I” in the 12th century. Is it possible to talk about subjectivity of medieval literature, and, if so, how is it expressed?

Keywords: “I”, subjectivity of literature, Wace, Marie de France, rhetoric.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15–01–0035) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015- 2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Субъективность средневековой литературы?

Чтобы говорить о субъективности в литературе и, шире, в средневековой литературе, нужно, для начала, пояснить сам термин «субъективность». Мы предлагаем принять определение, данное Шпирингом и Петтерссоном, согласно которому под субъективностью понимается эксплицитный голос нарратора [6; 7]. Однако удастся ли нам расслышать этого голос в литературе XII века, традиционной литературе традиционного общества, базирующегося на необходимости пересказывания, переписывания, перевода?

Тем более, необходимо помнить, что, во-первых, «мы читаем произведения XII века в манускриптах, созданных не ранее XIII века» и, во-вторых, что, «переписывая древне-греческие тексты, средневековый копист, обычно не понимающий ничего из переписываемого, был способен сделать лишь невольную ошибку. Чего не скажешь о текстах на народном языке, который переписчик знает и которым свободно манипулирует. К тому же эта свобода показывает, что главным принципом средневековой литературы была подвижность. Копист всегда мало-мальски переработчик, а его копия – еще один вариант» [8, р. 8]. У нас еще будет возможность вернуться к фигуре кописта и показать ее значение для средневековой литературы.

Цель настоящей статьи – проанализировать использование личного местоимения первого лица в двух произведениях XII века: относящийся к псевдо-исторической традиции «Роман о Бруте» историографа Генриха II Плантагенета Васа, перевод латинской «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского, другое – сборник «Лэ» придворного поэта Генриха II Марии Французской. Почему мы решили говорить о двух «я»: историографа и поэта? Поскольку, «справедливо или нет, в сознании каждого живет представление о том, что личность автора в большей или меньшей степени связана с использованием в его произведении «я», личного местоимения первого лица» [2, р. 170].

Вас, в отличие от многих других историографов, говорит «я», при этом его «я» – это ни «я» очевидца событий (как в случае «Священной войны»

историографа Амвросия, который был свидетелем описываемых событий), ни «я» жонглера, ни «я» автора (автором описываемых событий являлся Гальфрид Монмутский). Таким образом, перед нами встает важный для средневекового текста вопрос: кто ведет повествование в «Бруте» и «Лэ» и что создатель текста имеет в виду, говоря «я»?

В своей книге «Повествователь и точки зрения в средневековой литературе» [5] Софи Марнет приводит таблицу, предложенную Леехом и Шотом [4, р. 17-18], которая, возможно, поможет внести ясность в поставленный нами вопрос:

«Автор»	Реальное историческое лицо, существующее за пределами текста.
«Причастный автор»	Нереальное лицо, существующее только в качестве текстовой позиции. Его точка зрения может отличаться от точки зрения реального автора.
«Нарратор»	Текстовая категория, которая рассказывает историю и которая может не совпадать с «причастным автором»; речь идет как о рассказе от первого лица, так и от третьего лица.

Очевидно, что этот триединый автор-нарратор легко различим в современной литературе (скажем, от Пушкина до Пруста), создает множество проблем для медиевиста, поскольку т.н. «причастный автор» (или, по Женетту, «образ автора в тексте») практически неотличим от фигуры нарратора, по крайней мере, в лэ и рыцарских романах.

Итак, мы ставим перед собой следующие задачи:

1. Определить два нарраторских «я» (в «Бруте» и «Лэ»).
2. Проверить, есть ли между ними существенные различия.
3. Констатировать или опровергнуть эволюцию двух «я» (от Васа к Марии Французской).

Типы средневекового «я».

Чтобы ответить на поставленный нами выше вопрос (кто говорит «я» в литературе XII века?), нам нужно проанализировать все типы «авторского вмешательства» в наших двух текстах. Возьмем за основу классификацию Б.

Серкилини [1, р. 115], который выделяет пять типов «авторского вмешательства» в текст:

1. «Риторическое я» – практически пустое «я», являющееся, по сути, риторической формулой.

2. «Нарративный переход» – автор вмешивается в повествование, чтобы предупредить читателя о смене темы/сюжета.

3. «Авторское объяснение» – автор вмешивается в повествование, чтобы прокомментировать ту или иную деталь.

4. «Имя автора» – автор называет себя, тем самым «подписывая» и «заверяя» текст.

5. «Создание произведения» – обычно в конце или начале повествования, автор датирует и/или локализует создание своего текста.

«Я» Васа

Попробуем выделить и классифицировать «я» Васа в его романе «Брут», тексте, созданном в 1155 г. при дворе Генриха II Плантагенета и являющимся французским переводом латинской «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского (1138 г.). Мы можем констатировать в «Бруте» множество «риторических я» («*Mais je ne sai en quel manière*», «*Mais j'o n'en sai por quel raison*» и т.п.), которые служат либо для конструирования стиха, либо для создания рифмы (такие «я» обычно ставятся во второй части стиха: «*A cel terme que je vos di / Ert de Judée prestre Héli*»).

Что касается «нарративных переходов», Вас их не делает, зато «авторские объяснения» очень разнообразные:

Это может быть ссылка Васа на свой источник и объяснения, почему его повествование выстраивается тем или иным образом: «*Qui jusqu'à po vos sera dite / Si com je la truis escrite*».

Это также может быть признание Васа в незнании (данный тип «я» очень близок к «риторическому я», например, в пассаже, приведенном ниже): «*Mais j'o n'en sai par quel raison / Li castiaux ot nom de Pucèles/Plus que de dames, ne d'ancèles. / Ne me fut dit, ne jo nel di; /Ne jo n'ai mie tot véu, / Ne demandé, ne*

retenu... ». Заметим также, что в этом отрывке Вас сознательно отказывается от вымысла, что является довольно естественным выбором для историографа и переводчика.

Это может быть и личное мнение Васа о Британии, которое он считает возможным сообщить своей аудитории (при анализе «ЛЭ» Марии Французской у нас еще будет возможность вернуться к этому фрагменту «Брута»): «Dès cel tans, par cele acquoison/Perdi Armoriche son non, / Si ot a non Bretagne et a, / Jamais, jo croi, ne le perda ».

Последний пример «нарративного перехода» – на наш взгляд, самый субъективный – заключается в объяснениях, которые дает Вас опуская при переводе тот или иной фрагмент латинского текста Гальфрида. Наиболее заметный пропуск – это пропуск знаменитых пророчеств Мерлина о будущем Британии. Почему Вас их не приводит? «Ne voil son livre tranlater, / Quant jo nel'sai enterpréter: / Nule rien dire ne volroie / Qu'issi ne fu com jo diroie». Итак, Вас не хочет переводить книгу пророчеств Мерлина, так как не знает, как это делать и не может ее «интерпретировать». У нас еще будет случай вернуться к этому фрагменту. А пока отметим, что в тексте Васа присутствуют и выделенные в классификации Б. Серкилини «имя автора» и «создание произведения». Эти два типа «я» Вас решил объединить в одном фрагменте, но меняет первое лицо на третье (как поступит и Мария, о чем будет сказано ниже). Заканчивая свой роман (в котором больше 15 тысячи строк), Вас говорит: « Mil et cent cinquante cinq ans, / Fist maistre Gasse cest romans ».

Подведем предварительные итоги. «Я» Васа – это и ни «я» историка-свидетеля событий, которые он описывает, и ни «я» жонглера, представляющего текст публике, это «я» автора-переводчика, который желает описать деяния английских королей и, главным образом, легендарного короля Артура, правление которого завершилось за много веков до жизни Васа, что, с одной стороны, дало ему несколько больше свободы, но, с другой, не позволило сделать текст стихотворной хроники романом, имеющем в основе вымысел.

Завершая разговор о «Бруте» Васе нельзя не процитировать знаменитый отрывок, достойный того, чтобы быть приведенным полностью. Первая часть романа «Брут» завершается миром в королевстве Артура. Король возвращается в Англию, – говорит Вас, и мирно правит целых двенадцать лет. Однако фрагмент завершает не Вас, а переписчик (его слова выделены курсивом):

En cele grant pais que jo di,
Ne sai se vous l'avés oï,
Furent les mervelles provées
Et les aventures trovées
Qui d'Artu sunt tant racontées
Que à fable sont atornées.
N'érent mensonge, ne tot voir,
Tot folie, ne tot savoir ;
Tant ont li contéor conté,
Et par la terre tant fablé,
Pour faire contes délitables
Que de vérités ont fait fables.

*(Mais ce que Crestiens tesmogne
Porés ci oïr sans alogne)* [3, p. 83-85].

В течение этого мирного времени – не знаю, слышали ли вы об этом – произошли все эти чудеса и авантюры, которые многие так охотно рассказывают об Артуре, что они стали казаться баснями. Ни чистым вымыслом, ни чистой правдой. Однако рассказчики столько их рассказывали, а выдумщики столько выдумывали, чтобы приукрасить свои сказки, что превратили правду в басню.

(Однако то, что свидетельствует Кретьен, можете слышать незамедлительно).

Эти чудеса и авантюры, превращенные в басни, не имеют отношения к Васу и его историографическому проекту, но прекрасно встраиваются в литературный проект Марии Французской по созданию сборника «Лэ» –

рассказов о приключениях бретонцев-любовников, которым Вас (вслед за Гальфридом Монмутским) уже создал славу воинов. Не противоречат они и замыслу переписчика XIII века, который останавливает повествование Васа, чтобы показать все чудеса и авантюры, произошедшие при дворе короля Артура за двенадцать мирных лет, о которых Вас не может и не хочет говорить. Прекрасное свидетельство чудес и авантюр – романы Кретьена де Труа. Их-то переводчик и интегрирует в «Брута», а затем возвращается к роману Васа и вновь начинает играть свою скромную роль переписчика.

«Я» Васа, его субъективный выбор переводчика «Истории» Гальфрида, не допускает возможность вымысла. Но анонимный переписчик XIII века обладает правами, которых нет у средневекового переводчика и историографа: он волен добавлять в текст то, что хочет и, в какой-то степени, корректировать выбор и проект автора (Васа). Мария Французская – на стороне этого переписчика.

«Я» Марии Французской

П. Жонэн насчитал «в устах Марии шестьдесят два «я» в первом лице единственном числе, из которых девятнадцать – это непосредственное использование местоимения «я», а сорок три – опосредованное (тип: «хочу»). К этому добавляется десять выражений типа «таково мое мнение»...» [2, р. 170-171]. Он также предложил классификацию «я» и выделил пять типов: «декларативы» («*vus dirai*»), «мнение» («*jeo sai verrais*»), «перцептивы» («*jo oï parler*»), «аффективы» («*me plest*», «*jeo creim*») и «волитивы» («*vus voil*»). Однако статья Жонэна не нашла сторонников. С ее критикой выступила цитируемая нами выше С. Марнетт (к этому вопросу мы еще вернемся), таким образом, мы предпочитаем снова воспользоваться классификацией Б. Серкилини.

Если мы проанализируем «вмешательства» Марии в текст «Лэ» и сравним их с «вмешательствами» Васа, то увидим, что Мария также часто и для тех же надобностей использует «риторическое я», которое конституирует стих. Иногда это т.н. «формулы незнания» («*ne jeo n'en sai avant cunter*», *Lanval*, 664; «*mes jeo*

ne sai numer sun nun», *Milun*, 22; «mes jeo ne sai numer lur nuns», *Chativel*, 34), иногда такие формулы помогают сделать рифму, стих («tute sa terre li rendi; / plus li duna que jeo ne di», *Bisclavret*, 303-304; «Li chevaliers dunt jeo vus di, / ki tant aveit le rei servi...», *Lanval*, 39-40; «Le lai del Fraisne vus dirai / sulunc le cunte que je osai », *Le Fraisne*, 1-2, «Dit vus en ai la verité, / del lai que j'ai ici cunté», *Chievrefueil*, 117-118; «Après cel fet que jeo vus di, / mult l'ama li reis e cheri», *Eliduc*, 265-266, etc.) – отметим, что во всех вышеприведенных примерах «я» Марии находится во второй части стиха, как кажется, это аргумент в пользу классификации данных «я» как риторических (для рифмы).

Если мы вновь обратимся к статье Жонэна, мы убедимся, что он солидарен с нами: говоря о конструкциях типа «jo sai» («я знаю») в «Лэ» Марии, он настаивает на том, что это выражение не имеет «никакого отношения к личности автора. Ее «jo sai» относится либо к истине истории (она действительно слышала эту историю), либо к ее содержанию, либо к ее границам» [2, p. 191].

Еще один тип «вмешательств», которые делает Мария – это «имя автора». В самом начале своего первого лэ «Гижмар» (стих 3) Мария представляется нам: «Oëz, seignur, que dit Marie» (Послушайте, сеньоры, что говорит Мария). В третьем лице, как и Вас, но продолжение этой строки невозможно сравнить с продолжением Васа: «Oëz, seignur, que dit Marie, / ki en sun tens pas ne s'oblie» (Послушайте, сеньоры, что говорит Мария, / которая занимает достойное место среди авторов своего времени).

Обратимся к следующему типу «я» – «авторским объяснениям». Вспомним объяснение Васа по поводу названия Бретани и попробуем сравнить его со следующим объяснением Марии. Речь идет о лэ «Двое влюбленных», по сюжету которого молодой человек, влюбленный в королевскую дочь, чтобы жениться на ней должен внести девушку на вершину высокой горы. Девушка хочет помочь своему возлюбленному, постится и добывает для него волшебный напиток. Но, говорит Мария (строки 188-189): «mes jo criem que poi ne li vaille, / kar n'ot en lui point de mesure» (но я боюсь, что это не принесет пользы, / так как

он не знал меры). Объяснение автора? Безусловно, однако, помимо этого Мария открывает нам трагическую судьбу юноши, сразу дает нам понять, что возлюбленных ждет трагический конец и, таким образом, становится практически всеведущим автором литературы XIX века.

Нам остается сказать еще об одном «я», которое, на первый взгляд, может показаться «риторическим», но очень сильно отличается от «риторических я», какие мы могли наблюдать у Васа. Речь идет о следующем фрагменте из уже упоминавшегося нами лэ «Гижмар» (ст. 19-21): «*Les contes que jo sai verais, / dunt li Bretun unt fait les lais, / vos conterai assez briefment*» (Повести, о которых я знаю, что они истины / о которых бретонцы сочиняли лэ / довольно кратко для вас изложу). По мнению Жонэна, эта истинность повестей соответствует истине исходного текста, источника. Именно этот источник и есть «истина» Марии. Жонэн заключает, что «я Марии не является я автора», но что ее «я есть, следовательно, свободное и настойчивое я традиции, а не творчества» [2, р. 193], словом, «я Марии вводит не слова автора, но слова рассказчицы, носительницы традиции» [2, р. 194]. Однако мы можем возразить Жонэну, напомнив, что никто не видел и не читал «исходный текст», с которого, якобы, Мария делала перевод. Наоборот, в отличие от Васа, она еще в прологе «Лэ» отказалась от возможности переводить с латинского на французской, поскольку в ее время таких переводов становилось все больше и ими, говорит Мария, этим она не стяжала бы себе славы.

В этом вопросе мы, скорее, разделяем позицию С. Марнетт, которая видит в этих словах Марии («Повести, о которых я знаю, что они истины») «я нарратора» и подчеркивает, что «это я не довольствуется простым рассказыванием истории, но также представляется гарантом истинности этой истории и знает все о рассказываемых событиях» [5, р. 34]. Это «я нарратора», еще полностью отсутствующее у Васа – переводчика с латыни и историографа, впервые появляется у автора или нарратора, который впервые становится «всезнающим и манипулирует судьбами своих персонажей» [5, р. 96], как это происходит в лэ «Двое влюбленных». Более того, этот нарратор, в отличие от

Васа, выбирает и рассказывает то, что нравится ему. Неужели случайно Мария так часто говорит, что она хочет рассказать ту или иную историю, что она испытывает величайшее удовольствие от рассказывания? В заключение «Милона» Мария говорит (ст. 533-534): «e jeo ki l'ai mis en escrit / el recunter mult me delit». А в трех других лэ («Бисклавре», «Гижмар», «Несчастный») Мария настаивает на своем желании писать, чтобы не сказать творить: «Nel voil ublier Bisclavret» (2), «Del Bisclavret vos voil cunter» (14), «De la dame vus voil mustrer» (655), «La dame dunt je voil cunter» (29).

Отметим, возвращаясь к Васу, что он использовал глагол «хотеть» всего один раз, не только в отрицательной форме, но и во фрагменте, который мы приводили выше и в котором он признается в своей неспособности и своем нежелании переводить и интерпретировать пророчества Мерлина.

Завершая разговор о «Лэ» отметим, что Мария выступает здесь не только как нарратор, но и как автор (конечно же, «причастный автор», если вспомнить терминологию Лееха и Шота). Неслучайно «некоторые медиевисты смешивают понятия «нарратора» и «автора», ведь очень часто они оказываются практически неразличимы, особенно в лэ и романах в стихах» [5, р. 36].

Заключение

Фрагменты из четырех лэ Марии, которые мы процитировали в предыдущем параграфе и отсылающие нас к определенному авторскому «я», «рассказывающему, сочиняющему и думающему» [5, р. 38], «я» Марии, которое пришло на смену по большей части риторическому и пустому «я» Васа, не должно и не может быть переоценено. Это все еще цитаты из произведения автора XII века, о личности которого мы практически ничего не знаем. И все же, несмотря на силу, которой все еще обладает традиция в XII веке, голос, «я» и литературный выбор Марии, придворного поэта Генриха II Плантагенета, становится немного более субъективным и свободным, по сравнению с «я» историографом Генриха. Нарратор становится автором в том смысле, что именно он несет ответственность за истину повести, которую он рассказывает.

Тем не менее, пройдет еще восемьсот лет, прежде чем автор сможет сказать: «Эта история истинная, потому что я ее придумал».

Список литературы:

1. Cerquiglini B. *La parole médiévale. Discours, syntaxe, texte*. Paris: Les éditions de minuit, 1981.
2. Jonin P. Le Je de Marie de France dans les Lais // *Romania*. 1982. Т. 103. P. 170-196.
3. *La geste du roi Arthur* / Éd. E. Baumgartner et I. Short. Paris, 1993. UGE (10/18).
4. Leech G., Short M.H. *Style in Fiction. A linguistic Introduction to English Fictional Prose*. L., N.Y.: Longman, 1981.
5. Marnette S. *Narrateur et points de vue dans la littérature française médiévale. Une approche linguistique*. Bern: Peter Lang, 1998.
6. Pettersson J. Translators and Narrators. The Translation of Subjectivity in Old Norse Literature // *Inbjuden talare på konferensen Riddarasögur and the translation of court culture in 13th century Scandinavia*, Universitetet i Oslo, Norge, 17-18 oktober 2008 / *Selected Papers of the CETRA Research Seminar in Translation Studies 2008*. 2009. P. 1-17.
7. Spearing A.C. *Textual subjectivity. The encoding of subjectivity in Medieval narratives and lyrics*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
8. Walters L. Le rôle du scribe dans l'organisation des manuscrits des romans de Chrétien de Troyes // *Romania*. 1985. Т. 106. № 3-4. P. 303-325.
9. Zink M. *La sublectivité littéraire. Autour du siècle de saint Louis*. Paris: PUF, 1985.

Сведения об авторе:

Долгорукова Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Data about the author:

Dolgorukova Natalia Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, lecturer of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: Natalia.dolgoroukova@gmail.com.